

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В 2017 ГОДУ

В статье рассматривается проблема состояния уголовно-процессуального законодательства и качество вносимых в него изменений. Причиной послужило принятие в 2013 и 2014 годах ежегодно 25 и 30 законов соответственно. Состояние уголовно-процессуального законодательства в 2015 и 2016 годах подвергалось автором анализу в центральных изданиях. Данная статья с анализом изменений, принятых в 2017 году, продолжает эту традицию.

В прошедшем году было принято 14 законов, изменяющих УПК РФ, 4 постановления Конституционного Суда РФ признали уголовно-процессуальные нормы частично не соответствующими Конституции РФ. Всего за время своего существования УПК РФ менялся 222 законами и корректировался 27 постановлениями Конституционного Суда РФ, а в целом 249 нормативно-правовыми актами.

Представляет интерес характеристика вновь вносимых изменений: насколько они обоснованны и последовательны, улучшают ли они уголовно-процессуальное регулирование, отвечают ли интересам граждан или ведомств, не порождают ли противоречий и пробелов?

Констатируется, что, несмотря на наметившуюся тенденцию к стабилизации уголовно-процессуального законодательства, оно продолжает оставаться в высокой степени нестабильным, меняясь ежемесячно 1,2 закона. Не оправдались обещания депутатов ужесточить практику внесения поправок в УПК — не более 1 раза в год. Интересы ведомств в законодательстве преобладают почти в 2 раза над интересами граждан. Продолжают иметь место непоследовательность, противоречивость, пробельность. Тем не менее законодатель избрал правильный путь на стабилизацию, хотя недостаточно последовательный. Внимание к изменениям уголовно-процессуального законодательства правомерно, оно не должно ослабевать.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное законодательство, законодательство, права граждан, ведомственный интерес, внесение поправок, окружной военный суд, противоречие, непоследовательность

Мы продолжаем следить за изменениями уголовно-процессуального законодательства за последние годы (за 2015 год [1, с. 22–27], за 2016 [2, с. 21–25]). В 2017 году принято 14 законов, вносящих изменения в УПК, 4 постановления Конституционного Суда РФ признали ряд норм УПК частично не соответствующими Конституции РФ. А всего за 16 лет своего функционирования (с 2002 по 2017 г.) УПК РФ менялся 222 федеральными законами и 27 раз корректировался решениями Конституционного Суда РФ, то есть 249 нормативно-правовыми актами.

Отмечается положительная тенденция сокращения уголовно-процессуального законодательства (в 2010 г. принято 25 законов, в 2011 г. — 21, в 2012-м — 18, в 2013-м — 25, в 2014-м — 30, в 2015-м — 17, в 2016-м — 19, в 2017-м — 14). Уже нет случаев принятия по 7 законов в день, изменяющих УПК, как это было 21 июля и 31 декабря 2014 года и напоминало выполнение какого-то плана. Тем не менее УПК пока

продолжает оставаться в высокой степени нестабильным, так как ежемесячно меняется 1,2 закона.

К сожалению, не оправдались обещания депутатов об упорядочении подхода к уголовно-процессуальному законодательству. Напомню, что 22 апреля 2016 года в Совете Федерации участниками парламентских слушаний по вопросу усовершенствования УПК была признана и осуждена практика хаотичного внесения поправок в уголовно-процессуальное законодательство. В связи с этим депутаты обещали ужесточить практику внесения поправок в УПК — не более 1 раза в год, надеясь произвести настоящую революцию в уголовном процессе [3, с. 11].

К счастью, революции не произошло, да и никто от парламентариев ее всерьез и не ожидал. Во всеуслышанье произнесенное обещание вносить поправки в УПК не более 1 раза в год не было выполнено, а вместе с этим и обещанная поправка заслона хаотичному внесению поправок в уголовно-процессуальное законодательство, которые искажают внутреннюю логику и смысл норм и институтов, отражают ведомственные интересы, под-

* © Белоносов В.О., 2017

Белоносов Владимир Олегович (vladimirbelonosov@yandex.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 22.

рывают стабильность законодательства и уважительное отношение к закону.

Поэтому представляет интерес, какие именно поправки были внесены в УПК в 2017 году, не хаотичны ли они, не искажают ли внутреннюю логику законодательства, направлены ли они на отражение интересов граждан или ведомств. Попробуем в этом вместе разобраться.

Явно демократическим представляется закон от 07.03.2017 № 33-ФЗ, совершенствующий институт отсрочки отбывания наказания. Его появление следует приветствовать, так как он принят в интересах граждан.

То же самое можно сказать и о законе от 28.03.2017 № 46-ФЗ, который предусматривает возможность вести в судебном заседании фотографирование, видеозапись, кино съемку, трансляцию открытого судебного заседания по радио, телевидению, в сети Интернет. Вместе с тем не покидает чувство половинчатости такого решения, т. к. оно, во-первых, напрямую связано с усмотрением судьи, что вносит повышенный субъективизм в регламентацию этого уголовно-процессуального отношения, и, во-вторых, не носит обязательного характера. Хотя в уголовно-процессуальной теории давно обсуждается вопрос о необходимости придания обязательного характера аудиозаписи судебного заседания [4, с. 57; 5, с. 5], что позволило бы существенно облегчить разрешение вопросов апелляционного, кассационного и надзорного производств. Поэтому об этом законе можно сказать, что он в интересах граждан, но носит половинчатый характер.

Еще один закон — от 28.03.2017 № 50-ФЗ — направлен на охрану прав и интересов граждан. Им регламентируется вопрос о возможном продолжении применения государственной защиты и мер безопасности в связи с приостановлением предварительного расследования, прекращением уголовного дела или уголовного преследования на досудебном и судебном производстве. По своей сути закон не добавляет ничего принципиально нового, а является логическим продолжением сложившихся ранее отношений. Этим отношениям добавляется определенность в случаях приостановления, прекращения уголовного дела или уголовного преследования. Эти новые отношения легко можно было вывести и ранее при помощи толкования, но, видимо, большая стоимость государственной защиты и мер безопасности плохо мотивируются субъективным характером толкования, а потому потребовалась конкретизация в законе. Поэтому в целом этот закон принят не только в интересах граждан, но и для конкретизации обязанностей сотрудников правоохранительных органов, которые самостоятельно не склонны делать ничего, пока это не прописано в нормативном акте.

В отличие от трех вышерассмотренных, неоднозначное отношение вызывает закон от 28.03.2017 № 51-ФЗ, вносящий дополнение в ст. 82 УПК о хранении вещественных доказательств. Он предписывает уничтожать игровое оборудование для незаконной организации и проведения азартных игр. Неоднозначность такой регламентации заключается в том, что в этой статье уже прописан порядок уничтожения ряда предметов, а именно:

пришедших в негодность скоропортящихся продуктов (подп. «в» п. 2 ч. 2);

наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих эти средства и вещества, либо их прекурсоров, а также предметов, длительное хранение которых опасно для жизни и здоровья людей или для окружающей среды (п. 3);

изъятых из незаконного оборота товаров легкой промышленности, перечень которых устанавливается Правительством РФ (п. 6);

изъятых в соответствии с законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (п. 7).

В той или иной мере все эти товары явно запрещены к распространению, в силу чего они и подлежат уничтожению. Желание законодателя перечислить с исчерпывающей полнотой все виды запрещенных предметов непродуктивно, продиктовано заботой не о гражданах, а о правоприменителях с их внутриведомственными интересами, которым почему-то не до конца понятно, что все запрещенные предметы в принципе должны уничтожаться. Более целесообразным представляется формулировка общего правила об уничтожении запрещенных предметов.

Также умиляет, что, согласно предлагаемому законодателем дополнению, образец вещественного доказательства, достаточный для сравнительного исследования (т. е. игровое оборудование, которое использовалось для незаконной организации и/или проведения азартных игр), приобщается к материалам уголовного дела. Представить это сложно.

Законом от 03.04.2017 № 60-ФЗ дополнена подследственность следователей органов внутренних дел в связи с появлением новой статьи в уголовном законодательстве (ст. 267.1 УК — действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств).

Заметный след оставил закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ, которым совершенствуется правовой статус адвоката. При в целом положительной оценке этого закона в юридической литературе уже высказаны и критические замечания [6, с. 18–26; 7, с. 68–74], к которым можно добавить одно логическое противоречие в предлагаемой ч. 4.1 ст. 49 УПК.

Если перед вступлением в уголовное дело адвокат идет к обвиняемому для получения его согласия на свое участие в уголовном деле, то это означает, что адвокат еще не вступил в дело и не начал работу по защите обвиняемого. Откуда тогда у него в это время появляется ордер (который в переводе с французского языка означает «приказ, распоряжение»), если отношения по защите еще не существуют?

На интересные мысли натолкнул закон от 07.06.2017 № 115-ФЗ, которым в ряд статей УПК введен Дальневосточный окружной военный суд. Тем самым к ранее существовавшим Московскому, Приволжскому и Северо-Кавказскому окружным военным судам был добавлен еще один — и, судя по его названию, немалый — Дальневосточный. Сразу появляется закономерный вопрос, а как

раньше обходились без него? Судя по тому, что вопросы подсудности наиболее часто меняются законодателем (по несколько раз в год, например, только в 2017 году 2 раза), почему вопрос о Дальневосточном окружном военном суде возник только летом 2017 года?

Удивление усиливается, когда выясняется, что несмотря на неоднократное упоминание в УПК Московского, Приволжского, Северо-Кавказского, а теперь и Дальневосточного окружных военных судов, на самом деле таких военных округов не существует. В разные годы количество военных округов в нашей стране колебалось от 32-х в конце 1945 года до 16-ти в 1983 году – периоде наивысшей военной мощи государства. В рамках реорганизации вооруженных сил в 2010 году количество военных округов было сокращено до 4 (Западный, Южный, Центральный, Восточный), а с 2014 года добавлен Северный военный округ для организации обороны арктических участков [8].

Должны ли окружные военные суды иметь какое-нибудь отношение к военным округам? Не является ли это свидетельством глубокого противоречия между реальной действительностью и ее отражением в УПК, на которую законодатель пока не обращает внимания в угоду узковедомственным интересам?

Законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ дополнена подследственность следователей Следственного комитета РФ уголовными делами о побуждении детей к суицидальному поведению. Общеизвестно, что все сложные дела (а побуждение детей к суицидальному поведению именно такими и являются) относятся к подследственности Следственного комитета РФ, а не МВД или ФСБ. Поэтому данный закон не привносит ничего нового, не добавляет никаких дополнительных прав гражданам, а только закрепляет уже давно сложившиеся отношения, если они еще кому-то не совсем хорошо ясны или если вдруг какие-то ведомства начнут его оспаривать.

Явно демократичное дополнение вносит закон от 01.07.2017 № 137-ФЗ, заставляя должностных лиц принимать решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу в 3-дневный срок со дня поступления к ним из мест содержания под стражей медицинского заключения. С одной стороны, такое дополнение больше защищает права граждан, но, с другой стороны, появляется чувство какой-то незавершенности. Любопытно для сравнения посмотреть, как подобное правоотношение регулируется в УПК Франции.

Статья 63-3 УПК Французской Республики гласит:

«Заключенное под стражу лицо имеет право обратиться с просьбой о медицинском освидетельствовании. В этом случае прокурор Республики или офицер уголовной полиции вызывает врача для проведения медицинского освидетельствования. Вторично просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена при продлении срока содержания под стражей. Врач должен прибыть в 3-часовой срок для проведения освидетельствования, которое осуществляется без посторонних лиц, с соблюдением принципа уважения к личности и сохранением медицинской тайны.

Прокурор Республики или офицер уголовной полиции имеют право в любой момент пригласить врача для медицинского освидетельствования заключенного.

Кроме заключенного просьба о медицинском освидетельствовании может быть заявлена членом его семьи.

Врач незамедлительно обследует содержащегося под стражей субъекта и отражает результаты освидетельствования в своем заключении, которое приобщается к материалам уголовного дела» [9].

Представляется, что такая регламентация не только более детально, но и всесторонне регулирует отношения разных участников уголовного судопроизводства при назначении и проведении медицинского обследования лица, заключенного под стражу. Было бы неплохо, чтобы примерно такая же регламентация нашла отражение и в УПК РФ.

Закон от 26.07.2017 № 203-ФЗ ужесточает подсудность и подследственность в связи с появлением новых статей в УК РФ:

– ст. 171.3 УК – незаконное производство и/или оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции;

– ст. 171.4 УК – незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции;

– ст. 327.1 УК – изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использования.

Не углубляясь в неоднозначный вопрос обоснованности введения этих статей в уголовное законодательство (как выходящий за границы интересующих нас процессуальных вопросов), можно констатировать, что ничего не мешало вести антиалкогольную борьбу и возможностями прежнего законодательства. Ужесточение подсудности и подследственности создает иллюзию большей работы и отвечает только узковедомственным интересам правоохранительных органов.

Аналогичная картина наблюдается и с законом от 29.07.2017 № 250-ФЗ, но в этом случае появились новые статьи, связанные с уплатой страховых взносов в государственные внебюджетные фонды:

– ст. 199.3 УК – уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд;

– ст. 199.4 УК – уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд.

Также может быть формально и правильным, но отвечающим узковедомственным интересам закон от 29.07.2017 № 251-ФЗ, который обязывает судей направлять копии обвинительных приговоров в федеральный орган исполнительной власти в области обеспечения безопасности и/или полномочные органы, ведающие делами о гражданстве РФ.

Напрашивается вопрос, а как эти органы, обеспечивающие безопасность и ведающие делами о граждан-

стве, ранее строили свою деятельность? Что они теперь будут делать с таким большим количеством копий обвинительных приговоров? Кто мешал им раньше брать копии приговоров, учитывая, что ведь они имели какое-то отношение к этим делам? Кто больше заинтересован в этом законе – граждане или ведомства? На этот риторический вопрос можно не отвечать.

Закон от 05.12.2017 № 387-ФЗ вводит в УПК новую гл. 55.1, касающуюся производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории РФ доходов, полученных преступным путем.

Следует напомнить историю его принятия. Законопроект начал готовиться с июля 2014 года и был включен в календарь рассмотрения вопросов Государственной думой РФ на 2017 год. Его подготовка началась в соответствии с поручением Правительства РФ по реализации решений саммита «Группы восьми» в Кэмп-Дэвиде 18–19 мая 2012 года. Законопроект направлен на совершенствование правового регулирования международного сотрудничества по вопросам выявления, замораживания, ареста, конфискации и ознрата активов [10]. Иными словами, законопроект начал готовиться в другой политической обстановке, когда Россия входила в большую восьмерку, государство не конфликтовало с внешним миром, не было никаких санкций, понятие «организованная преступность» было другим. Поэтому в целом этот закон неплохой. Но для его правильной оценки с высоты 2017 года надо иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Социально-политическая обстановка в стране сильно изменилась, и не в лучшую сторону.

2. С юридической точки зрения у нас очень непростые отношения с решениями иностранных судов, в том числе с ЕСПЧ. Все потенциальные разногласия нам пытаются объяснить тем, что эти решения противоречат Конституции РФ, однако такие объяснения неубедительны.

3. Сложно представить, что в вопросах выявления, замораживания, ареста, конфискации и возврата активов организованной преступности наша страна может быть сильно полезна иностранному судопроизводству. Пока мы являемся свидетелями неединичных случаев обратного.

Хотелось бы ошибиться, но представляется, что этот закон будет не средством борьбы с организованной преступностью, а средством ее имитации.

И последний закон года – от 20.12.2017 № 412-ФЗ – вносит изменения в подследственность в связи с изменениями в ст. 245 УК – жестокое обращение с животными. Теперь ч. 1 указанной статьи расследуется дознавателями, а ч. 2 – следователями ОВД. Естественно, что этот закон принят в интересах органов предварительного расследования.

Таким образом, из 14 принятых законов 5 направлены на увеличение прав граждан, что составляет 35 %, а 65 % законов приняты в интересах ведомств.

В отличие от законов, все 4 постановления Конституционного Суда РФ, принятые в 2017 году, полностью направлены на увеличение прав граждан. Все постановления похожи, содержат очень сложную доказательственную базу, но справедливы. Во всех делается одинаковый вывод о том, что формальные различия в статусе субъектов (по возрасту, полу) не должны быть основанием для уменьшения прав, которыми обладают другие субъекты в аналогичных условиях. По сути, Конституционный Суд РФ доказывает простые правила тем правоприменителям, которые под влиянием формальных обстоятельств пытаются игнорировать принципы и фундаментальные положения уголовного процесса.

В заключение следует отметить, что уголовно-процессуальное законоотворчество – это не только юридическая, но и политическая составляющая. Не являясь специалистами в области политики, мы ограничились только юридическим анализом. Пока не приходится говорить, что парламентарии смогли реализовать свои обещания и поставить заслон хаотичному внесению поправок в уголовно-процессуальное законоотворчество. Интересы ведомств в законоотворчестве преобладают почти в 2 раза над интересами граждан. В законодательстве продолжают иметь место непоследовательность, противоречивость, пробельность. Но по сравнению с прошлыми годами представляется, что законодатель находится на правильном пути, так как: а) уголовно-процессуальное законодательство имеет тенденцию к стабилизации, а это уже немало; б) не только анализ, но даже проговаривание этих проблем все равно имеет важное значение. Может быть, кому-то хотелось всего и сразу, но так не бывает. Эволюционный путь более привлекательный по сравнению с революционным.

Библиографический список

1. Белоносов В.О. О современном состоянии уголовно-процессуального законодательства // *Мировой судья*. 2016. № 4. С. 22–27.
2. Белоносов В.О. Состояние законодательства как проблема уголовно-процессуального права // *Библиотека криминалиста*. 2017. № 1. С. 21–25.
3. Качалова О.В. Уголовному процессу обещают перемены // *Уголовный процесс*. 2016. № 6. С. 11.
4. Дьяконова О.Г., Щепотинин П.В. О необходимости введения «обязательного» видеопотоколирования судебного заседания // *Российская юстиция*. 2016. № 6. С. 55–57.
5. Хорошев Я.Е. Подготовка государственных обвинителей к введению суда присяжных в районных судах // *Законность*. 2017. № 1. С. 3–5.
6. Насонов С.А. Изменения в УПК: адвокаты v. следователи // *Уголовный процесс*. 2017. № 6. С. 18–26.
7. Васильев О.Л. Новые права адвокатов в УПК РФ: плюсы и минусы // *Уголовный процесс*. 2017. № 8. С. 68–74.
8. URL: <http://fb.ru/article/171789/voennyie-okruga-rossii-sostav-voennyih-okrugov-rossii>.
9. Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017. Document généré le 08 septembre 2017. Copyring (C) 2007-2017 Legifrance.

10. Пояснительная записка к паспорту проекта Федерального закона № 101467-7 «О внесении изменений в УПК РФ» (о порядке признания и исполнения приговоров, постановлений судов иностранных государств в части конфискации доходов, полученных преступным путем) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Belonosov V.O. O sovremennom sostoianii ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva [About the current state of the criminal procedural law]. Mirovoi sud'ia [Magistrate Judge], 2016, no. 4, pp. 22-27 [in Russian].

2. Belonosov V.O. Sostoianie zakonodatel'stva kak problema ugolovno-protsessual'nogo prava [State of law as a problem of criminal procedural law]. Biblioteka kriminalista [Criminalist's Library], 2017, no. 6, pp. 21-25 [in Russian].

3. Kachalova O.V. Ugolovnomu protsessu obeshchait peremenu [The criminal process is promised to change]. Ugolovnyi protsess [Criminal process], 2016, no. 6, p. 11 [in Russian].

4. Diakonova O.G., Chepotinin P.V. O neobkhodimosti vvedeniia «obiazatel'nogo» videoprotokolirovaniia sudebnogo zasedaniia [On the need to introduce «mandatory» videoprotocol of the court hearing]. Rossiiskaia iustitsiia [Russian Justitia], 2016, no. 6, pp. 55-57 [in Russian].

5. Horoshev Y.E. Podgotovka gosudarstvennykh obvinitelei k vvedeniiu suda prisiazhnykh v raionnykh sudakh [Training of state prosecutors to the introduction of jury trials in the district courts]. Zakonnost' [Legality], 2017, no. 1, pp. 3-5 [in Russian].

6. Nasonov S.A. Izmeneniia v UPK: advokaty v. sledovateli [Changes in the criminal process: attorneys. v. investigators]. Ugolovnyi protsess [Criminal process], 2017, no. 6, pp. 18-26 [in Russian].

7. Vasiliev O.L. Novye prava advokатов v UPK RF: plusy i minusy [New rights of lawyers in the criminal procedure code of the Russian Federation: pluses and minuses]. Ugolovnyi protsess [Criminal process], 2017, no. 8, pp. 68-74 [in Russian].

8. Retrieved from: <http://fb.ru/article/171789/voennye-okruga-rossii-sostav-voennykh-okrugov-rossii> [in Russian].

9. Code de procedure pénale. Dernière modification de 01 septembre 2017 – Document généré le 08 septembre 2017. Copyring (C) 2007-2017 Legifrance [in French].

10. Poiasnitel'naia zapiska k pasportu proekta Federal'nogo zakona № 101467-7 «O vnesenii izmenenii v UPK RF» (o poriadke priznaniia i ispolneniia prigovorov, postanovlenii sudov inostrannykh gosudarstv v chasti konfiskatsii dokhodov, poluchennykh prestupnym putem) [Explanatory note to the passport of the draft of the Federal Law № 101467-7 «On amendments being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» (on the procedure for recognition and enforcement of judgements, decisions of courts of foreign states in relation to confiscation of proceeds of crime)]. Retrieved from ConsultantPlus [in Russian].

V.O. Belonosov*

CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN 2017

The article considers the problem of state criminal law procedure and the quality of insertion of changes. The reason was the adoption in 2013 and 2014 annually 25 and 30 laws, respectively. The state of Criminal Procedure Law in 2015 and 2016 were subjected by the author to the analysis of central publications. This article is the analysis of the changes adopted in 2017, continues this tradition.

During the past year 14 laws reforming the Code of Criminal Procedure were adopted, 4 decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation recognized that the criminal procedure rules are partially inconsistent with the Constitution of the Russian Federation. During the entire period of its existence, the Code of Criminal Procedure has varied 222 laws and was corrected 27 the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and in general, 249 normative legal acts.

The characteristic again of the changes is interesting: the way they are reasoned and consistent, if they improves the criminal procedure regulation, as well as the interests of citizens or agencies, if they do not produce any contradictions and gaps?

It was noted that despite the trend towards stabilisation of the Criminal Procedural Law it remains highly unstable changing monthly 1.2 law. The promises of deputies to tighten the practice of amendment in the Code of Criminal Procedure were not fulfilled – no more than 1 time per year. The interests of agencies in lawmaking is dominated by almost 2 times above the interests of citizens. Inconsistencies, contradictions, omissions are continues to be. However, the legislator has chosen the right way for stabilization, although it is not consistent. Attention to the changes in criminal procedure legislation is lawful, but it must not be weakened.

Key words: criminal-procedural legislation, adoption of laws, citizens' rights, institutional interests, amendments, district military court, contradiction, inconsistency.

* *Belonosov Vladimir Olegovich* (vladimirbelonosov@yandex.ru), Department of Criminal Process and Criminalistics, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 22, Rylyskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.